

**ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ в русской, украинской,
британской и американской лингвокультурах:
опыт психолингвистического эксперимента**

А. П. Чудинов¹, Н. А. Сергиенко², В. М. Глушак³

¹ *Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия*

² *Сургутский государственный университет
Сургут, Россия*

³ *Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Москва, Россия*

Аннотация

Представлены результаты психолингвистического эксперимента по выявлению общих характеристик и национально-культурных особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных аксиологических сфер *ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ* в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах. В эксперименте приняли участие 830 респондентов обоих полов, разного социального статуса и уровня образования из России, Украины, Великобритании и США. Психолингвистический эксперимент выполнялся поэтапно: на подготовительном этапе были разработаны анкеты для их последующего заполнения, на следующем этапе проводилось аналитическое обобщение полученных ассоциативных реакций и формулировались выводы. Установлено, что лингвоментальные аксиологические сферы *ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ* в структуре лингвоментальной сферы *ЧЕЛОВЕК* носят универсальный характер в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах, при этом определенные отличия лингвокогнитивной категоризации и концептуализации связаны с особенностями культурного, исторического, социально-экономического развития, политического устройства разных стран. Этим объясняются незначительные отличия в языковом представлении внешнего мира носителями русской, украинской, британской и американской лингвокультур.

Ключевые слова

лингвокогнитивная категоризация и концептуализация, *ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ*, психолингвистический эксперимент, лингвокультура

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00465

Для цитирования

Чудинов А. П., Сергиенко Н. А., Глушак В. М. *ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ* в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах: опыт психолингвистического эксперимента // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 297–311. DOI 10.17223/18137083/75/21

***GOOD, EVIL, TRUTH, LIE* in Russian, Ukrainian, British, and American linguo-cultures: results of a psycholinguistic experiment**

A. P. Chudinov¹, N. A. Sergienko², V. M. Glushak³

¹ *Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russian Federation*

² *Surgut State University
Surgut, Russian Federation*

³ *Moscow State Institute of International Relations
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper presents the results of a psycholinguistic experiment aimed to identify the general characteristics and national-cultural characteristics of linguo-cognitive categorization and conceptualization of the linguistic axiological spheres *GOOD, EVIL, TRUTH, LIE* in Russian, Ukrainian, British, and American linguistic cultures. A total of 830 respondents of both genders, different social status, and education levels from Russia, Ukraine, Great Britain, and the USA participated in the experiment. The psycholinguistic experiment involved the following stages: setting the goal and objectives of the experiment, determining the timing of its implementation, formulating the expected results, compiling the task, interviewing the respondents, and analyzing the results, with tasks, deadlines, and expected results specified for each stage. At the preparatory stage, the questionnaires were developed in Russian, Ukrainian, and English to be completed by the respondents. At the next stage, the associative reactions obtained were processed, and conclusions were formulated. The linguistic axiological spheres of *GOOD, EVIL, TRUTH, LIE* in the structure of the linguistic sphere of *MAN* were found to be universal in Russian, Ukrainian, British, and American linguistic cultures, with specific differences in linguo-cognitive categorization and conceptualization being associated with the cultural, historical, socio-economic development, the political structure of different countries. This fact explains the slight differences in the language representation of the outside world by the representatives of Russian, Ukrainian, British, and American linguo-cultures.

Keywords

linguo-cognitive categorization and conceptualization, *GOOD, EVIL, TRUTH, LIE*, psycholinguistic experiment, linguo-culture

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00465

For citation

Chudinov A. P., Sergienko N. A., Glushak V. M. *GOOD, EVIL, TRUTH, LIE* in Russian, Ukrainian, British, and American linguo-cultures: results of a psycholinguistic experiment. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 297–311. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/21

Введение

Одна из актуальных задач современной когнитивной лингвистики заключается в изучении особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальной антропосферы, под которой следует понимать «многомерную и многоуровневую лингвокогнитивную сущность, в которой отражены ментальные и психические процессы сознания человека, его философские взгляды и установки, концептуальные и информационные структуры, отражающие его профес-

сиональные знания и социальный опыт, оценки, чувства, эмоции, национально-культурные традиции и история, индивидуальная и коллективная память, личный и общенациональный лексикон, персональные, этнонациональные и конвенциональные представления о научной и наивной картине мире» [Сергиенко, 2019, с. 6].

Цель данной статьи заключается в описании результатов проведенного нами психолингвистического эксперимента, задача которого состояла в выявлении общих закономерностей и национальных особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальных аксиологических субсфер *ДОБРО, ЗЛО, ПРАВДА, ЛОЖЬ* в структуре общей лингвоментальной сферы *ЧЕЛОВЕК* в наивных языковых картинах мира представителей русской, украинской, британской и американской лингвокультур.

1. Ценности как объект лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа

Ценность в самом общем плане можно определить как нечто значимое вообще либо в положительном, либо в отрицательном аспекте. Ценности несут субъективно-объективный характер, однако выступают как единство объективного и субъективного, духовного и материального, личностного и общечеловеческого (см. [Арутюнова, 2004; Вешинский, 2005; Вольф, 2009; Земскова, 2006; Ивин, 2006; Карасик, 2004; Морозова, 2008; Никитин, 2000; Сергеева, 2003] и др.).

Система ценностей и отношений к ним определяет общественное развитие на основе активизации фактора человека. Будучи инструментом межличностного взаимодействия, они выступают тем посредником, который связывает поведение индивида с социальными потребностями и интересами его жизнедеятельности. Ценности выполняют сложные и разносторонние регулятивные функции по отношению к обществу и личности. Вопрос ценностей – это извечная проблема, которая существует с того времени, как появился человек, и сегодня к ней обращаются многие отечественные и зарубежные исследователи (см., например, работы С. Ш. Авалиани, Е. Р. Боринштейна, Т. В. Бутковской, Л. Г. Викуловой, Е. М. Вольф, А. А. Кавалерова, В. И. Карасика, Ю. М. Малиновича, Е. Н. Причепия, С. Л. Сахно, Л. А. Сергеевой, Е. Ф. Серебрянниковой и др.).

В современной науке существуют различные подходы к определению сущности ценностей. С одной стороны, очевидно взаимоотношение ценностей и объектов внешнего мира, с другой стороны, зависимость ценностей от объективной реальности не является очевидной, и ее сложно выявить как опытным путем, так и путем логических рассуждений. Иначе говоря, ценности преимущественно не обладают реальностью и субъективностью [Дробницкий, 1967, с. 305–306]. Существует другое мнение: «ценности... происходят от человека, в противном случае они не были бы таковыми и являлись бы частью объективной реальности» [Searle, 1976, с. 175]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, ценности приписываются «миру как ему присущие» и вместе с тем находятся «словно вне него» [Арутюнова, 1999, с. 131]. Такой промежуточный статус ценностей дает основания думать, что с учетом своей природы они созданы для исполнения различных функций человеческой жизнедеятельности: координационной (между человеком и миром объектов), дидактической, регулирующей и направляющей [Арутюнова, 1988 с. 60; Маслова, 2001, с. 50].

Важность аксиологических изысканий для культурологически ориентированной лингвистики является бесспорным. Ценности функционируют как базовые

принципы культуры, «определяя отношения человека с социумом, окружающим миром и самим собой» [Сахно, 1991, с. 97]. Особенность любой лингвокультуры определяется определенным составом ценностей данного общества. Ценностная направленность «пронизывает ткань повседневной коммуникативной практики», встраиваясь «в тот или иной индивидуальный или коллективный образ жизни». Делая возможной «тождественность действующих субъектов», ценности, концентрируясь, «образовывают исторические и биографические узлы ценностных ориентаций», в то время как «групповая и индивидуальная тождественность выражается в них настолько, что они образуют интегральную составную часть той или иной культуры или личности» [Хабермас, 2000, с. 170, 268–269].

К разряду культурных ценностей причисляются такие феномены человеческого бытия, как обычаи, стереотипы, нормы поведения, оценки, идеалы. С их учетом строятся определенные правила поведения человека в социуме. Следовательно, по большей части ценности обусловлены идеологией, институтами, верованиями и потребностями социума. В то же время отторжение ценностей и противоречащих им действий осуждается общественным мнением [Стернин, 2000, с. 108].

Весь инвентарь культурных ценностей выстроен определенным образом в нашем сознании, образуя доминанты и периферию, при этом каждая лингвокультура обладает специфическим набором, что определяет основные черты этой культуры, ее особенности и оказывает влияние на поведение человека и его деятельность [Kluckhohn, Strodtbeck, 1961].

Говоря о системе ценностей в лингвокультурологическом аспекте, следует отметить, что не может быть единой, похожей во всех деталях иерархии духовных ценностей для всех людей, которые говорят на определенном языке [Караулов, 1987, с. 36].

Можно говорить о доминирующих ценностных ориентирах, которые, в свою очередь, определяются «национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией» [Там же, с. 37]. В то же время в каждом сообществе имеются ценности, которые независимо от национальной принадлежности апеллируют к истине, добру, состраданию, красоте, взаимопомощи, справедливости и т. п.

Сказанное позволяет считать, что ценностная картина мира является составной частью более обширной языковой картины мира. Ценностные ориентации лингвокультурного сообщества манифестируются в оценочных высказываниях, и в них наиболее ярко выражена национальная специфика социума, к которому принадлежат носители соответствующего языка [Трипольская, 1999, с. 13–14], так как ценности – это тот фундамент, на котором основывается национальная культура [Стернин, 2000, с. 108]. Ценностный фундамент аксиологической системы строится, в свою очередь, на принципах, реализуемых в основных социальных нормах и правилах [Касьянова, 2003, с. 398, 416–417].

Мы считаем, что оценка как семантическое понятие, под которым понимают ценностный аспект значения языковых выражений, вероятно, является универсальной категорией, поскольку едва ли существует хотя бы один язык, в котором не было бы представления о «хорошем – плохом». Однако в способах выражения оценочных значений языки проявляют специфичность. Особенности в языках объясняются не столько собственно семантическими расхождениями, сколько размытым характером шкалы оценочных обозначений и размытостью оценочных стереотипов [Вольф, 2009, с. 9–10].

Таким образом, на данном этапе развития науки концепты, отражающие ценностные ориентиры, по-прежнему остаются объектом исследования философии, логики, культурологии, социологии, психологии и других наук. Однако наиболее плодотворным оказывается применение аксиологического подхода в лингвокультурологии, одной из задач которой является изучение способов отображения ценностной картины мира в языке. В результате лингвокультурологического анализа можно получить информацию о том, каким образом ценности той или иной лингвокультуры объективируются в языке.

2. Методика проведения экспериментального исследования

Психолингвистический эксперимент проводился согласно разработанному нами плану, который включал следующие этапы: подготовительный, непосредственно экспериментальный и аналитико-обобщающий. Для каждого из этих этапов были определены задачи, сроки выполнения, ожидаемые результаты. Так, на подготовительном этапе эксперимента были сформулированы его цель и задачи, обеспечивающие ее достижение, разработаны анкеты для участников на русском, украинском и английском языках. В процессе непосредственно экспериментального этапа респонденты заполняли предложенные им анкеты. В ходе аналитико-обобщающего этапа мы обрабатывали полученные данные, заносили их в соответствующие таблицы, формулировали выводы.

Анкетирование проводилось на условиях анонимности. Единственным ограничением для респондентов для участия в нашем психолингвистическом эксперименте был возраст – не менее 18 лет. Считается, что к этому возрасту в основном завершается формирование языковой способности личности [Горошко, 2001, с. 28], при этом, по мнению исследователей, языковая способность личности, ее комбинаторные возможности, как правило, остаются неизменными на протяжении всей жизни [Там же]. Какие-либо другие ограничения (например, по полу, уровню и профилю образования, социальному статусу и материальному положению, вероисповеданию и проч.) отсутствовали.

Разработанные нами анкеты были подготовлены в печатном и электронном виде и отправлены в различные высшие учебные заведения России, Украины, Великобритании и США, а также размещены на наших персональных страницах в социальных сетях и разнообразных тематических группах. Респонденты имели возможность заполнить анкеты в печатном виде и отослать их нам по почте или их сканированные версии по электронной почте, а также, в качестве альтернативы, заполнить электронные анкеты и отправить их на адрес нашей электронной почты.

Для анализа результатов анкетирования нами были отобраны только те анкеты, в которых респонденты дали ответы более чем на 50 % вопросов. Это было сделано по причине того, что собственно экспериментальный этап исследования проходил без непосредственного участия экспериментатора: мы не могли знать причины того, почему наши респонденты не смогли (не захотели) отвечать на большую часть вопросов, заданных в анкете (было ли это следствием невнимательности, недостатка времени, отсутствия желания, затруднения в предоставлении ответов и т. д.). Учет подобных анкет в эксперименте мог бы существенным образом сказаться на достоверности полученных данных и их статистической значимости.

Всего в нашем экспериментальном исследовании приняло участие 830 человек, из них 272 представителя русской лингвокультуры, 216 – украинской, 168 – британской, 174 – американской.

Анализ анкет проводился с помощью компьютерных средств обработки данных, включая использование автоматического расчета критерия Пирсона χ^2 (критерия согласия Хи-квадрат) с целью подтверждения наличия или отсутствия статистически значимых различий особенностей категоризации и концептуализации лингвоментальных сфер *ДОБРО*, *ЗЛО*, *ПРАВДА*, *ЛОЖЬ* между представителями близкородственных и неблизкородственных лингвокультур.

В качестве основных методов исследования были выбраны *свободный ассоциативный эксперимент* и *метод рефлексивного анализа концептов*: респонденты исследуемых лингвокультур должны были указать, какие ассоциации вызывают у них слова «добро», «зло», «правда», «ложь» (их лексические эквиваленты в украинском и английском языках), объяснить, что, по их мнению, является добром, злом, правдой, ложью, перечислить качества хороших и плохих людей, назвать известных (публичных) людей, которых они считают хорошими и плохими, и объяснить свою точку зрения.

Отметим, что необходимость рефлексии носителя языка для выявления многих концептуальных признаков различных лингвоментальных сфер признается многими ведущими когнитивными лингвистами. Так, например, З. Д. Попова и И. А. Стернин подчеркивают, что «в содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и признаки, которые отражают общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, они могут и не обнаруживаться в его речи и не осознаваться немедленно при предъявлении соответствующего слова, но являются достоянием личного или коллективного опыта» [Попова, Стернин, 2007, с. 69]. Комбинация свободного ассоциативного эксперимента и метода рефлексивного анализа концептов представлена в психолингвистических исследованиях Е. В. Дзюбы, А. Д. Палкина, Т. Ю. Передриенко и Е. С. Баландиной, В. А. Пищальниковой, Е. А. Попковой и В. Д. Попкова и др.

3. Результаты экспериментального исследования

Ответы участников нашего психолингвистического эксперимента на вопрос анкеты «Какие ассоциации вызывают у вас следующие слова: добро, зло, правда, ложь?» представлены в таблице.

Видно, что *добро* у представителей всех четырех изучаемых нами лингвокультур оценивается положительно и ассоциируется с позитивными понятиями доброты, милосердия, блага, добродетели. Несмотря на очевидное семантическое сходство ассоциаций *добра* в наивных языковых картинах мира представителей русской, украинской, британской и американской лингвокультур, нельзя не обратить внимание и на некоторые лингвокультурологические отличия в лингвокогнитивной концептуализации данной универсально-аксиологической субсферы.

Согласно результатам, представленным в таблице, для 7,72 % русских *добро* ассоциируется с *помощью*, что, скорее всего, обусловлено исторической традицией русского народа жить в мире со своими родственниками, друзьями, соседями, оказывая друг другу помощь и приходя друг другу на выручку.

Для каждого десятого украинца *добро* ассоциируется с *Богом*, что является следствием многовекового развития религиозной традиции украинского народа, особенно в западных и центральных областях Украины. Справедливости ради

отметим, что данная ассоциация (*добро* – это *Бог*) присутствует и в ответах носителей русской, британской и американской лингвокультур практически в таком же количественном воплощении, однако она не вошла в тройку основных в данных лингвокультурах.

Ассоциации со словами *добро, зло, правда, ложь*
по данным психолингвистического эксперимента у носителей русской,
украинской, британской и американской лингвокультур
Associations to the words *good, evil, truth, lie* collected from the Russian, Ukrainian,
British English, and American English speakers
in a psycholinguistic experiment

Русская лингвокультура	Украинская лингвокультура	Британская лингвокультура	Американская лингвокультура
<i>Добро</i> (укр. <i>добро</i> , англ. <i>good, goodness</i>)			
хорошо (нечто хорошее) 61,03 %	доброта 62,04 %	kindness 49,40 %	kindness 51,15 %
благо 24,63 %	милосердя 19,91 %	graciousness 21,43 %	honesty 19,54 %
помощь 7,72 %	Бог 11,11 %	selflessness 8,93 %	virtue 12,64 %
<i>Зло</i> (укр. <i>зло</i> , англ. <i>evil</i>)			
плохо 58,82 %	погане 56,48 %	cruelty 44,64 %	dishonesty 43,10 %
ярость 22,05 %	байдужість 18,52 %	badness 17,86 %	Satan / Devil 25,29 %
безразличие 11,40 %	неправда 10,65 %	heinous 10,71 %	wickedness 15,52 %
<i>Правда</i> (укр. <i>правда</i> , англ. <i>truth</i>)			
честность 48,53 %	чесність 44,44 %	honesty 45,24 %	honesty 47,70 %
справедливость 23,16 %	справедливість 20,83 %	genuineness 20,24 %	authenticity 20,69 %
истина 12,13 %	сміливість 10,19 %	good 13,10 %	uprightness 13,22 %
<i>Ложь</i> (укр. <i>неправда</i> , англ. <i>lie</i>)			
обман 49,26 %	брехня 41,20 %	dishonesty 38,69 %	dishonesty 41,38 %
неправда 29,41 %	зло 33,33 %	deceit 22,02 %	falsehood 20,11 %
подлость 8,46 %	ворог 11,57 %	untrustworthy 14,29 %	deception 13,79 %

Для довольно большого количества американцев (19,54 %) *добро* ассоциируется с *честностью* (*honesty*), а для 8,93 % британцев – с *бескорытием* (*selflessness*). Разумеется, данные ответы являются ярким свидетельством особенностей

британского и американского менталитета, в котором *добро* воспринимается как моральное качество человека, характеризующее его положительные нравственные ценности. Об этом чуть подробнее будет сказано в ходе дальнейшего анализа результатов нашего экспериментального исследования.

Представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что *зло* также является универсальной категорией в языковом сознании представителей родственных и неродственных лингвокультур, ассоциирующейся с чем-то негативным, плохим, отвратительным: неправдой, нечестностью, безразличием, безнравственностью. Некоторые лингвокультурологические особенности лингвокогнитивной категоризации и концептуализации данной аксиологической субсферы в изучаемых нами наивных языковых картинах мира выражаются не столько в качественном (семантическом) отношении, сколько в количественной репрезентации ассоциаций.

Из представленных в таблице данных видно, что носители британской лингвокультуры ассоциируют *зло* в первую очередь с *жестокостью* (*cruelty*) – 44,64 % всех ответов. Данная ассоциация в других лингвокультурах представлена менее выражено (5–7 %). В русском языковом сознании *зло* часто ассоциируется с *яростью* (22,05 % ответов респондентов), в то время как эта же ассоциация не входит в пятерку первых у носителей украинской, британской и американской лингвокультур. Для многих украинцев (18,52 %) *зло* ассоциируется с *безразличием* (*байдужістю*). Для сравнения: такую же ассоциацию мы находим в анкетах носителей русского языка, но только в 11,40 % случаев, а среди респондентов англоязычных лингвокультур она встречается еще реже – менее 8 % анкет. Практически каждый четвертый американец, участвовавший в нашем психолингвистическом эксперименте, связывает *зло* с *дьяволом* (*Satan / Devil*). Подобная ассоциация *зла* у представителей других изучаемых нами лингвокультур менее выражена (в среднем около 5 %).

Данные таблицы однозначно показывают, что почти половина всех участников эксперимента, вне зависимости от лингвокультур, носителями которых они являются, ассоциируют *правду* с *честностью* (укр. *чесність*, англ. *honesty*). Для многих представителей русской и украинской лингвокультур *правда* ассоциируется со *справедливостью* (23,16 и 20,83 % соответственно). В то же время более 20 % носителей английского языка ассоциируют *правду* с *истиной*, *подлинностью*, *достоверностью* (*genuineness, authenticity*).

Говоря об отличительных особенностях лингвокогнитивной категоризации и концептуализации *добра* в языковом сознании носителей изучаемых лингвокультур, представленных в таблице, следует обратить внимание на то, что данная субсфера у украинцев часто (10,19 %) ассоциируется со *смелостью* (*сміливістю*), а у американцев (13,22 %) – с *честностью* (*uprightness*).

В целом можно говорить об универсальности данной аксиологической субсферы в изучаемых лингвокультурах, семантические ассоциации которой в наивных языковых картинах мира русских, украинцев, британцев и американцев имеют тождественный характер.

Как видно из таблицы, основными ассоциациями *лжи* в наивных языковых картинах мира являются семантические синонимы: русс. *обман, неправда*, укр. *брехня*, англ. *dishonesty, deceit, deception, falsehood*. У 8,46 % русских *ложь* ассоциируется с *подлостью*, а у 14,29 % британцев она вызывает ассоциацию *недоверия* (*untrustworthy*).

Результаты, систематизированные в таблице, убеждают в том, что довольно большое количество респондентов – носителей украинской лингвокультуры

(11,57 %) ассоциирует *ложь* с *врагом (ворогом)*. Можно предположить, что здесь имеет место так называемая историческая (лингвокультурологическая) память народа. Не секрет, что за все время своего существования Украина как государство и украинцы как народ неоднократно становились разменной монетой в закулисных договоренностях между их более сильными в политическом, экономическом и военном отношении соседями, в результате чего часто теряли свой суверенитет и территории. Надеясь на помощь со стороны влиятельных и могущественных государств, украинцы часто сталкивались с предательством и обманом с их стороны. Скорее всего, именно поэтому для многих украинцев *ложь* до сих пор ассоциируется с образом *врага*.

Тем не менее, полученные данные в целом свидетельствуют о том, что эта аксиологическая субсфера в изучаемых нами наивных языковых картинах мира имеет универсальный характер и ярко выраженную схожесть лингвокогнитивных ассоциаций по родственным и неродственным лингвокультурам.

На вопросы нашей анкеты «Что такое, на Ваш взгляд, добро (зло, правда, ложь)?» мы получили от респондентов разнообразные ответы, которые сгруппированы далее отдельно по каждой универсально-аксиологической субсфере и по каждой изучаемой нами лингвокультуре.

Так, респонденты определяют *добро* следующим образом:

- в русской лингвокультуре: *добрые поступки* – 65,07 %; *приносить пользу (радость) другим* – 45,59 %; *бескорыстие (альтруизм)* – 26,47 %; *человеколюбие* – 12,50 %; *уважение к другим людям, любовь* – 8,09 %;
- в украинской лингвокультуре: *корисні справи* – 63,43 %; *людяність* – 52,31 %; *допомога іншим* – 31,48 %;
- в британской лингвокультуре: *virtue* – 68,45 %; *kindness* – 44,05 %; *generosity* – 36,90 %; *helpfulness* – 30,36 %;
- в американской лингвокультуре: *bringing happiness to others* – 64,02 %; *decency* – 38,51 %; *virtue* – 22,99 %; *kindness* – 17,82 %.

Участники нашего психолингвистического эксперимента определяют *зло* следующим образом:

- в русской лингвокультуре: *умышленное нанесение вреда другим людям* – 59,56 %; *недобрые поступки* – 48,16 %; *ненависть* – 30,51 %;
- в украинской лингвокультуре: *шкода іншим людям* – 77,78 %; *недобра поведінка* – 40,28 %; *ненависть* – 33,33 %;
- в британской лингвокультуре: *doing something bad* – 63,10 %; *pitilessness* – 41,07 %; *injustice* – 22,02 %; *harmfulness* – 17,86 %;
- в американской лингвокультуре: *lack of honesty* – 66,67 %; *maliciousness* – 47,70 %; *selfishness* – 37,93 %; *uncaring* – 20,11 %.

Респонденты изучаемых нами лингвокультур определяют *правду* следующим образом:

- в русской лингвокультуре: *честность* – 67,65 %; *истина* – 49,26 %; *прямолинейность* – 27,57 %; *собственные убеждения* – 10,29 %;
- в украинской лингвокультуре: *істина* – 75,46 %; *неупереджене твердження* – 52,78 %; *чесність* – 40,28 %;
- в британской лингвокультуре: *correctness* – 70,83 %; *fact* – 45,24 %; *honesty* – 40,48 %; *integrity* – 17,26 %;
- в американской лингвокультуре: *legitimacy and correctness* – 73,56 %; *directness* – 46,55 %; *honesty* – 39,08 %.

Определение *лжи* выглядит следующим образом:

- в русской лингвокультуре: *неправда (искажение правды)* – 77,21 %; *откровенное вранье* – 58,82 %; *подлость* – 30,51 %;
- в украинской лингвокультуре: *спотворена істина* – 61,57 %; *відверта брехня* – 53,24 %; *нечесність* – 39,35 %;
- в британской лингвокультуре: *not saying truth* – 75,00 %; *deliberate attempt to contradict what is true* – 48,81 %; *incorrectness* – 21,43 %; *something misleading or wrong* – 15,48 %;
- в американской лингвокультуре: *dishonesty* – 68,39 %; *falsehood* – 50,57 %; *fabrication* – 22,99 %; *hiding (perverting) truth* – 16,67 %.

Представленные данные позволяют говорить о том, что русские, украинцы, британцы и американцы в целом одинаково определяют такие понятия, как *добро*, *зло*, *правда*, *ложь*, причем схожесть определений в изучаемых нами наивных языковых картинах мира проявляется как в семантическом (качественном), так и в репрезентативном (количественном) плане.

В следующих вопросах нашей анкеты мы просили участников психолингвистического эксперимента перечислить качества, характерные, на их взгляд, для хорошего и плохого человека.

Носители русской лингвокультуры выделили следующие качества *хорошего человека*: *доброта* (80,15 %), *порядочность* (65,44 %), *честность* (49,26 %), *преданность* (41,91 %), *ответственность* (30,88 %), *трудолюбие* (22,06 %), *щедрость* (16,18 %), *смелость* (9,93 %).

Характерными чертами *плохого человека*, по мнению носителей русской лингвокультуры, являются *зависть* (63,24 %), *высокомерие* (45,59 %), *лицемерие* (34,93 %), *злость* (30,88 %), *алчность* (26,47 %), *подлость* (16,91 %), *лень* (11,03 %).

Представители украинской лингвокультуры считают, что *хорошему человеку* присущи такие качества, как *чесність* (60,19 %), *доброта* (56,48 %), *справедливість* (43,52 %), *відповідальність* (34,72 %), *ввічливість* (23,15 %), *чуйність* (19,44 %), *розумність* (15,74 %).

По мнению украинцев, *плохой человек* характеризуется тем, что он *нечесний* (67,13 %), *злий* (60,65 %), *несправедливий* (52,31 %), *підлий* (46,30 %), *жорстокий* (37,50 %), *тихатий* (23,15 %), *агресивний* (16,67 %).

Британцы определили качества *хорошего человека* следующим образом: *kindness* (69,64 %), *honesty* (56,55 %), *generosity* (47,62 %), *helpfulness* (42,86 %), *trustworthiness* (30,36 %), *readiness to defend justice* (24,40 %).

Для этих же участников эксперимента *плохой человек* выделяется следующими качествами: *deceitfulness* (74,40 %), *hatred* (59,52 %), *wickedness* (42,26 %), *selfishness* (36,90 %), *cruelty* (20,17 %).

Американцы считают, что *хороший человек* обладает такими качествами, как *kindness* (77,01 %), *truthfulness* (57,47 %), *honesty* (51,72 %), *loyalty* (44,83 %), *sincerity* (39,08 %), *concern and support for other people* (22,99 %).

В то же время носители американской лингвокультуры полагают, что у *плохого человека* проявляются такие качества, как *lack of love or caring* (74,14 %), *aggressiveness* (52,87 %), *cruelty* (43,68 %), *indifference* (39,66 %), *greediness* (24,71 %), *egoism* (20,69 %).

Очевидно, что нечестность является ярко выраженным качеством плохого человека для носителей украинской, британской и американской лингвокультур. Представители этих же лингвокультур практически солидарны и в отношении

ненависти как одного из проявлений плохого человека. Жестокость как негативное качество человека является релевантной для украинцев и американцев (более 50 и около 45 % ответов соответственно), в то время как представители русской и британской лингвокультур проявляют, если можно так выразиться, чуть большую толерантность по отношению к жестокости как безусловному негативному качеству плохого человека (диапазон ответов от 10 до 20 % соответственно).

Заключение

Результаты проведенного нами психолингвистического эксперимента позволяют сделать вывод об универсальности особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации аксиологических субсфер *ДОБРО*, *ЗЛО*, *ПРАВДА*, *ЛОЖЬ* в структуре лингвоментальной сферы *ЧЕЛОВЕК* в наивных языковых картинах мира представителей русской, украинской, британской и американской лингвокультур.

Так, например, *добро* у представителей всех четырех изучаемых нами лингвокультур оценивается положительно и ассоциируется с позитивными понятиями доброты, милосердия, блага, добродетели. Данные психолингвистического эксперимента свидетельствуют о том, что *зло* также является универсальной категорией в языковом сознании представителей родственных и неродственных лингвокультур, ассоциирующейся с чем-то негативным, плохим, отвратительным: неправдой, нечестностью, безразличием, безнравственностью.

Эмпирические данные показали, что почти половина всех участников эксперимента вне зависимости от лингвокультуры, носителями которой они являются, ассоциируют *правду* с *честностью* (укр. *чесність*, англ. *honesty*), а основными ассоциациями *лжи* в наивных языковых картинах мира являются семантические синонимы: русс. *обман*, *неправда*, укр. *брехня*, англ. *dishonesty*, *deceit*, *deception*, *falsehood*.

Русские, украинцы, британцы и американцы практически одинаково определяют такие понятия, как *добро*, *зло*, *правда*, *ложь*, причем схожесть определений в изучаемых нами наивных языковых картинах мира проявляется как в семантическом (качественном), так и в репрезентативном (количественном) плане.

Доброта как важнейшее качество хорошего человека стоит на первом месте у носителей русской, британской и американской лингвокультур, принимавших участие в нашем эксперименте, и на втором месте у украинцев, которые отдают предпочтение честности как наиболее приоритетному качеству хорошего человека.

Нечестность является ярко выраженным качеством плохого человека для носителей украинской, британской и американской лингвокультур. Представители этих же лингвокультур практически солидарны и в отношении ненависти как одного из ярких проявлений плохого человека.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что объективный мир разных народов, разумеется, отличается, поскольку отображается реальностью по-разному в силу особенностей культурно-исторического и социально-экономического развития, политического устройства и т. д., и именно этим объясняются незначительные отличия в языковом представлении внешнего мира разными национальными языками. В сознании носителей языка *добро* и *зло*, *правда* и *ложь* возникают как универсальные и вместе с тем уникальные аксиологические явления, которые могут предоставить существенную информацию о национальной специфике и менталитете русских, украинцев, британцев и американцев.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 388 с.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Арутюнова Н. Д.* Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 5–29.
- Вешинский Ю. Г.* Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) // Мир психологии. 2005. № 4. С. 226–235.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Либроком, 2009. 260 с.
- Горошко Е. И.* Языковое сознание (ассоциативная парадигма): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 287 с.
- Дробницкий О. Г.* Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М.: Изд-во полит. лит., 1967. 351 с.
- Земскова Н. А.* Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 23 с.
- Ивин А. А.* Аксиология. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.
- Карасик В. И.* Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы. Новосибирск, 2004. С. 28–32.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. Екатеринбург: Академический проект, 2003. 558 с.
- Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Морозова О. І.* Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови): Дис. ... д-ра філол. наук. Київ, 2008.
- Никитин М. В.* Заметки об оценке и оценочных значениях // Studia Linguistica (Когнитивно-прагматические и художественные функции языка). 2000. № 9. С. 12–22.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
- Сахно С. Л.* «Свое – чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 95–101.
- Сергеева Л. А.* Проблемы оценочной семантики. М.: МГОУ, 2003. 136 с.
- Сергиенко Н. А.* Лингвоментальная сфера «человек» в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах: Монография. Сургут: ИЦ СурГУ, 2019. 187 с.
- Стернин И. А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 97–113.
- Трипольская Т. А.* Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999. 165 с.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 377 с.

Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L. Variation in Value Orientations. Illinois: Row, Peterson and Company, 1961. 437 p.

Searle J. Speech acts. An essay in philosophy of language. Cambridge: At the University Press, 1976.

References

Arutyunova N. D. Istina. Dobro. Krasota: vzaimodeistvie kontseptov [Truth. Good. Beauty: interaction of concepts]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki estetiki: kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: conceptual fields of the beautiful and the ugly]. Moscow, Indrik, 2004, pp. 5–29.

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation, event, fact]. Moscow, Nauka, 1988, 388 p.

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, 896 p.

Drobnitskii O. G. *Mir ozhivshikh predmetov. Problema tsennosti i marksistskaya filosofiya* [The world of animate objects. The problem of the value and the Marxist philosophy]. Moscow, Izd. polit. lit., 1967, 351 p.

Goroshko Ye. I. *Yazykovoye soznaniye (assotsiativnaya paradigma)* [Linguistic Consciousness (associative paradigm)]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2001, 287 p.

Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg, Nauka, 2000.

Ivin A. A. *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow, yssh. shk., 2006, 390 p.

Karasik V. I. Aksiologicheskaya lingvistika: kontsepty i diskurs [Axiological linguistics: concepts and discourse]. In: *Germanistika v Rossii. Traditsii i perspektivy* [German studies in Russia. Traditions and perspectives]. Novosibirsk, 2004, pp. 28–32.

Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka, 1987, 261 p.

Kas'yanova K. *O russkom natsional'nom kharaktere* [On the Russian national character]. Ekaterinburg, Akademicheskii proekt, 2003, 558 p.

Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L. *Variation in value orientations*. Illinois, Row, Peterson and Company, 1961, 437 p.

Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Linguoculturology: Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Akademiya, 2001, 208 p.

Morozova O. I. *Lingval'ni aspekti nepravdi yak kognitivno-komunikativnogo utvorennya (na materialy suchasnoi angliis'koï movi)*. [Linguistic aspects of untruth as a cognitive-communal assertion (on materials of the modern English language)]. Dr. philol. sci. diss. Kiev, 2008.

Nikitin M. V. Zаметki ob otsenke i otsenochnykh znacheniyakh [Notes on evaluation and evaluative meanings]. In: *Studia Linguistica: Kognitivno-pragmaticheskie i khudozhestvennye funktsii yazyka: Sb. statey* [Studia Linguistica: Kognitivno-pragmaticheskie i khudozhestvennye funktsii yazyka: Coll. of art.]. St. Petersburg, Trigon, 2000, iss. 9, pp. 12–22.

Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST, Vostok – Zapad, 2007, 314 p.

Sakhno S. L. “Svoe – chuzhoe” v kontseptual'nykh strukturakh [“The familiar - the alien” in conceptual structures]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical language analysis. Cultural concepts]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 95–101.

Searle J. *Speech acts. An essay in philosophy of language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976.

Sergeeva L. A. *Problemy otsenochnoi semantiki* [Problems of semantics of evaluation]. Moscow, MSRU, 2003.

Sergienko N. A. *Lingvomental'naya sfera "chelovek" v russkoy, ukrainskoy, britanskoy i amerikanskoy lingvokul'turakh: Monografiya* [Linguistic sphere "man" in Russian, Ukrainian, British and American linguocultures: Monograph]. Surgut, SC SSU, 2019, 187 p.

Sternin I. A. Kommunikativnoe povedenie v strukture natsional'noi kul'tury [Communicative behavior in the structure of national culture]. In: *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural Specificity of Linguistic Consciousness]. N. V. Ufimtseva (Ed.). Institute of Linguistics of the RAS, 2000, 2000, pp. 97–113.

Tripol'skaya T. A. *Emotivno-otsenochnyi diskurs: kognitivnyi i pragmaticeskii aspekty* [Emotional and evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects]. Novosibirsk, 1999, 165 p.

Veshninskii Yu. G. Aksiologiya kul'turnogo prostranstva-vremeni (v granitsakh postsovetskogo kul'turnogo prostranstva) [Axiology of cultural space-time (in the boundaries of post-Soviet cultural space)]. *Mir psikhologii*. 2005, no. 4, pp. 226–235.

Vol'f E. M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Librokom, 2009, 260 p.

Zemskova N. A. *Kontsepty "istina", "pravda", "lozh'", kak faktory verbalizatsii deistvitel'nosti: kognitivno-pragmaticeskii aspekt* [The concepts "truth", "truth", "lie" as the factors of the reality verbalization: cognitive and pragmatic aspect: on the material of the Russian and the English languages]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Krasnodar, KSU Publ., 2006, 23 p.

Сведения об авторах

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия)

ap_chudinov@mail.ru
ORCID 0000-0001-5436-5273

Сергиенко Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Сургутского государственного университета (Сургут, Россия)

nas_surgut@mail.ru
ORCID 0000-0001-6884-5315

Глушак Василий Михайлович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) (Москва, Россия)

glushakvm@mail.ru
ORCID 0000-0002-0193-8071

Information about the authors

Anatoly P. Chudinov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language of the Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation)

ap_chudinov@mail.ru

ORCID 0000-0001-5436-5273

Natalia A. Sergienko – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages of the Surgut State University (Surgut, Russian Federation)

nas_surgut@mail.ru

ORCID 0000-0001-6884-5315

Vasiliy M. Glushak – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the German Language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russian Federation)

glushakvm@mail.ru

ORCID 0000-0002-0193-8071